

ных процессов в СССР. Конкретные исследования могут послужить также хорошей основой для создания обобщающей работы о синтезе культур народов Закарпатья.

Историки, изучающие прошлое народов Закарпатья и Галиции, непосредственно заинтересованы в работах такого рода, как рецензируемый сборник, ибо исследование современных этнонациональных процессов проливает свет на характер этих процессов и в предыдущие исторические эпохи. В настоящее время Институт славяноведения и балканистики АН СССР готовит коллективную монографию о национально-освободительной борьбе славянских народов империи Габсбургов с конца XVIII до 70 гг. XIX в. Уже на первоначальной стадии работы выявляются трудности, связанные с недостаточной изученностью этнических процессов и национальных взаимоотношений народов этого района.

В связи с этим представляется целесообразным расширить тематику планируемых МККК исследований за счет включения в нее следующих проблем: 1) влияние длительного пребывания той или иной этнической группы в инонациональной среде (в составе государственного образования, основная масса населения которого этнически отличается от нее) на этнические процессы; 2) роль конфессиональных различий в развитии национального самосознания отдельных народов на различных этапах исторического процесса; 3) проблема устойчивости самосознания национальных групп на территории данного региона.

Перечень подлежащих изучению вопросов можно было бы продолжить. Очевидна, например, необходимость более глубокого изучения культуры и быта населения равнинных районов, а не только тех этнических групп, которые занимались отгонным скотоводством.

В целом рецензируемый сборник представляет большую ценность и имеет актуальное научное и политическое значение. Издание подобных трудов поможет успешно решить проблемы, стоящие перед учеными-карпатооведами.

Т. М. Исламов

Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, 202 стр., 17 илл.

Рецензируемый сборник состоит из девяти работ, посвященных первобытному искусству. Статьи написаны советскими и французскими учеными — специалистами в области искусства палеолита.

Открывает сборник статья А. П. Окладникова «О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири». Основное место в ней уделено искусству неолита Западной Сибири; кроме того, анализируется искусство неолита Приамурья и Приморья.

Черты палеолитического искусства сохранили в западносибирском неолите многие скульптурные фигурки. Найденные в неолитическом погребении под Красноярском изображения птиц как бы повторяют по стилю и сюжету скульптуру Мальты и Бурети. В древнейших неолитических изображениях на камне («рогатых» фигурках людей, птицах, лосях) у деревни Писаной (верховья Томи) автор видит продолжение искусства палеолита, связанного с охотничьей магией.

Иной характер носит неолитическое искусство Дальнего Востока, отличающееся от искусства Сибири не только сюжетами, но и стилистическими особенностями (застылостью форм). Эти особенности в искусстве неолитического населения Дальнего Востока автор объясняет своеобразием форм хозяйства и быта жителей этого региона, а также влиянием древнейших земледельческих культур Восточной и Юго-Восточной Азии. В заключение А. П. Окладников выдвигает заслуживающее внимания положение: «Устойчивое господство охотничьего быта и хозяйства содействует сохранению древнего динамического реализма в искусстве. Контакт с земледельческими культурами приводит к преобладанию условности, схемы и чистого орнаментализма» (стр. 21).

В статье З. А. Абрамовой «А. Брейль (1877—1961 гг.) и относительная хронология палеолитического искусства» сообщаются сведения о первых путешествиях выдающегося французского исследователя; рассказывается о его знакомстве с Э. Пьеттом и о дальнейших изысканиях в области палеолитического искусства как во Франции, так и в Испании. Особое внимание автор уделяет разработанной А. Брейлем относительной хронологии наскальных изображений и подробно излагает особенности ориньяко-перигордского и солотре-мадленского циклов. Статья представляет большой интерес для широкого читателя.

Вторая статья того же автора, «Ляско — памятник палеолитического наскального искусства», посвящена наскальной живописи и гравировке открытого в 1940 г. памятника палеолитического искусства во Франции — пещеры Ляско (Дордонь). Многоцветные изображения обнаружены в нескольких помещениях этой пещеры. В большинстве случаев это животные (гигантские быки, медведь, олени, лошади), а также изображения стрел и какие-то неясные знаки и пятна. Исключительный интерес представляют единственное изображение фигуры человека, а также пронзенный копьем бизон с выпадающими из его тела внутренностями.

В сборнике опубликована и работа самого А. Брейля «Запад — родина великого наскального искусства». Автор отмечает, что палеолитическое искусство Европы стояло на более высоком уровне по сравнению с обедненным в художественном отношении схематичным искусством наскальной живописи других континентов. Следует ли видеть в высоком реалистическом искусстве европейского палеолитического человека его особую одаренность? — спрашивает Брейль и отвечает: «Я в это не верю» (стр. 41). Причину отмеченного различия он склонен видеть в формах хозяйственной деятельности. Охота на крупных животных обогащала людей динамическими впечатлениями, питавшими и их искусство. Собираание же съедобных улиток или морских ракушек людьми других обществ не способствовало развитию их воображения. Несколько страниц Брейль уделяет южноафриканскому (бушменскому) искусству, сохранившемуся в гротах и укрытиях. В XIX в. это замечательное искусство начало угасать и наконец полностью исчезло. «Охотников-художников уничтожили черные пастухи и белые колонизаторы» (стр. 50). В заключение А. Брейль говорит о ценности древнего искусства.

Статья другого французского ученого, А. Леруа-Гурана, «Религии доистории» посвящена характеристике стилей различных периодов в развитии палеолитического искусства и критическому разбору существующих в западноевропейской литературе точек зрения по поводу его содержания.

Говоря о фигурах «беременных животных» позднего солютре, Леруа-Гуран иронизирует по поводу тех авторов, которые не замечают бесспорных признаков самцов у этих «беременных». Палеолитическое искусство, пишет он, кажется нам близким и понятным, и мы очень уж легко в нем разбираемся, пытаемся читать изображения, как будто они исходят от современных нам художников (стр. 84). Леруа-Гуран справедливо предостерегает от прямого перенесения функций и семантики искусства некоторых современных экономических остальных народов, например австралийцев, на искусство людей палеолита «Сквозь очки, закопченные дымом Австралии, палеолитические изображения Западной Европы, — пишет он, — кажутся очень понятными и в то же время исчезает то, что надо в них понять» (стр. 85). Попытки объяснить некоторые изображения, исходя из данных современной этнографии, по его мнению, несостоятельны. Леруа-Гуран считает, что сравнительная этнография не может дать что-либо ценное историке палеолита. С последним положением согласиться полностью нельзя, поскольку сегодня у нас этнографические данные еще не до конца проанализированы. Давно уже назрела необходимость оглянуться назад и посмотреть на эти факты глазами современного исследователя. В этом материале таится много неожиданного и исключительно ценного и интересного. Вполне справедливы замечания Леруа-Гурана по поводу упрощенных представлений некоторых исследователей о магии, суждений о тотемизме, шаманизме и т. д. Недоказанным он считает, например, магическое значение ран на теле животных. «Мы, — говорит он далее, — видим лишь слабую тень религии палеолита». Изображения этого времени «скрывают исключительно сложный и богатый мир представлений, гораздо более сложный и богатый, чем считалось до сих пор» (стр. 89). Вполне соглашаясь с этим, нельзя в то же время не отметить слишком вольного обращения автора с термином «религия», поскольку иррациональные взгляды людей того времени нам еще мало известны и в этой области возможны преждевременные и даже ошибочные суждения.

Статья Леруа-Гурана заставляет задуматься о многом, она способствует развитию критического отношения к тому, что казалось ранее бесспорным, и в этом, пожалуй, ее главная ценность.

Б. А. Фролов в статье «Познавательное начало в изобразительной деятельности палеолитического человека» продолжает поиски рационального начала в деятельности древнего человека. На этот раз он пишет о познавательном моменте в изобразительном искусстве палеолита. Отмечая значительное количество известных на сегодняшний день предметов из камня, рога и кости, покрытых нарезками, зарубками и насечками, автор особое внимание обращает на разбивку насечек на группы из нескольких элементов, видя в этом подтверждение высказанных ранее предположений других ученых о существовании у древнего человека счета.

Заслугой Б. А. Фролова является то, что для решения затронутого им вопроса в качестве дополнительного источника были привлечены образцы палеолитического орнамента. Он отмечает, что ряды простых насечек нередко служат подготовительным приемом к созданию сложных узоров. Ритмически правильное чередование простых насечек по существу не отличается от правильного чередования элементов орнамента и, следовательно, несет сходную с ним эмоциональную нагрузку. С этим нельзя не согласиться.

В заключение автор пишет: «Древнейшие из известных нам памятников счета — это произведения изобразительного искусства, созданные 10—35 тысяч лет назад» (стр. 102). Статья Б. А. Фролова читается с интересом и привлекает внимание к фактам, заслуживающим дальнейшего изучения.

Наибольшая по объему статья сборника, «Натуральное творчество неандертальцев как основа генезиса искусства», принадлежит А. Д. Столяру. Она посвящена одной из сложнейших проблем первобытности — проблеме происхождения искусства. В начале работы отмечается хорошо известный факт, что изобразительное искусство возникает в начале верхнего палеолита сразу, «с поразительной внезапностью», притом «в достаточно развитой и устоявшейся форме». Удовлетворительного объяснения этому фак-

гу до сих пор не было, и ориньякское искусство оказывается, таким образом, как бы лишенным глубоких исторических корней. Так как поиски изобразительного искусства у неандертальцев до сих пор не увенчались успехом, автор обращается к анализу другой их деятельности, отличной от художественной, но создавшей, по его мнению, предпосылки для ее возникновения. Он имеет в виду древние обычаи, связанные с сохранением медвежьих костей, огромные скопления которых обнаружены в так называемых медвежьих пещерах, в частности в известной пещере Драхенлох. Здесь были найдены медвежьи черепа и длинные кости конечностей этих животных, уложенные в строгом порядке. Такой отбор костных останков, по мнению автора, не мог быть случайным. Неандертальцы, несомненно, преследовали какие-то цели, что свидетельствует о какой-то их «материально-духовной деятельности» (стр. 140). Отбирая и располагая кости животных особым образом, неандертальцы тем самым как бы изображали зверей. Эту деятельность А. Д. Столяр называет «натуральным изобразительным трудом» или «натуральным творчеством», близким к изобразительному искусству. Композиции, составленные из черепов, костей, камней, будучи объемными, как бы подготавливали почву для скульптуры.

Интересная статья А. Д. Столяра — плод глубокого раздумья и кропотливого анализа обширного археологического материала, историками искусства еще не использованного. Что касается термина «натуральное творчество», то его нельзя признать вполне удачным, так как трудно представить, что именно под ним подразумевается.

Положительно оценивая гипотезу А. Д. Столяра, мы считаем все же, что намеченный им путь происхождения искусства не единственный, а лишь один из возможных. Другим путем, по нашему мнению, могла быть деятельность неандертальца, также связанная с охотой. На охоте, избегая излишнего шума, люди вынуждены были искать беззвучные способы общения и могли «разговаривать» о звере с помощью различных движений тела, рук или пальцев, т. е. воспроизводить образ зверя и связанные с охотой моменты с помощью жестов и мимики. Подобные, вероятно, условные «рисунки в воздухе» были вполне достаточны для целей общения охотников. Во то же время, способствуя развитию образного, художественного мышления, они подготавливали и ту почву, на которой в последующий исторический период возникли гравированные изображения и живопись. Этот путь происхождения плоскостных изображений столь же допустим, как и предложенный А. Д. Столяром генезис скульптуры, и также объясняет «внезапное» появление в ориньяке памятников изобразительного искусства.

Статьи М. Д. Хлобыстиной «Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства» и Ю. Н. Голендухина «Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша» ставят своей целью раскрытие семантики искусства древнего человека.

Автор первой статьи видит в скульптуре и плоскостной резьбе окуневцев влияние древневосточных цивилизаций и вместе с тем тенденцию к превращению тех или иных образов в условные знаки. Привлекая к расшифровке их значения исторические и этнографические факты, М. Д. Хлобыстина пытается по отдельным знакам и другим изображениям восстановить мифы окуневцев. Но привлечение обильного материала по древним народам Востока и их мифологии не способствует, на наш взгляд, пониманию произведений изобразительного искусства носителей окуневской культуры и не помогает воссозданию их мифов. Это искусство по-прежнему остается загадкой.

В статье Ю. Н. Голендухина излагаются новые исследования наскальных изображений. В ней описываются сюжеты и композиции этого искусства, предлагается истолкование отдельных фигур и сцен.

Рецензируемый сборник очень интересен по содержанию и во многом обогащает наши знания по первобытному искусству.

В нем по-новому ставятся и решаются сложные вопросы семантики первобытного искусства и намечаются пути дальнейшего исследования трудной проблемы происхождения искусства и его истоков.

Следует признать удачным выбор статей для перевода, но следовало бы указать их названия на французском языке и привести соответствующие выходные данные.

Разумеется, для всестороннего освещения затронутых вопросов одного сборника недостаточно, и можно надеяться, что Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР издаст и другие сборники на ту же тему. Это тем более желательно, что интерес к первобытному искусству заметно возрастает не только у специалистов, но и у широкого читателя.

С. В. Иванов

Ewa Nowicka. Bunt i ucieczka. Zderzenie kultur i ruchy społeczne. Warszawa, 1972, 287 s.

Книга польского ученого Евы Новицкой «Бунт и бегство. Столкновение культур и социальные движения» представляет большой интерес для тех, кто изучает милленистские, мессианские, нэйтивистские движения и карго-культы. Автор ограничил